

Славяноведение, 2024, № 3, с. 60–73

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2024, No. 3, pp. 60–73

DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX

Оригинальная статья / Original Article

Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря)

© 2024 г. Ю.Л. Шапич

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Москва, Российская Федерация)

julija.sapic@gmail.com

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Аннотация. В статье рассматриваются элементы лексических систем сербского и русского языков в рамках сопоставительного проекта по лексикологии, одной из целей которого является составление современного большого сербско-русского словаря. Дефиниция вокабул исходного словника основывается на переводной эквивалентности, т.е. денотативном тождестве лексем; она опирается на лексическую, а также деривационную и грамматическую семантику там, где это возможно. Учитывается также прагматическая и когнитивно-дискурсивная составляющая, отражающаяся в синтагматических реализациях лексем. Обработанный к настоящему времени лексический корпус представляет собой достаточный образец для выявления особенностей структурирования лексической системы сербского языка в сопоставлении с русским. Анализируемая лексика сгруппирована в работе по деривационно-структурному и лексико-грамматическому критериям с опорой на ее формально-эксплицитные маркеры. Отмечены трудности представления в русскоязычной части словаря ряда лексических типов: специфических деривационных структур; диминутивных словоформ (среди существительных, прилагательных, глаголов), имеющих выход на прагматико-дискурсивный уровень; имен с семантикой носителей признака, в том числе феминитивов; адвербиальных синтагм и др. Далее планируется сопоставление формально эквивалентных многозначных лексем на уровне структуры их значений.

Ключевые слова: лексика, лексикология, семантика, сопоставление, сербский язык, эквивалентность.

Ссылка для цитирования: Шапич Ю.Л. Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря) // *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX

Comparative Description of Lexical Systems
(On the Material of the Serbian-Russian Dictionary)

© 2024. Yulia L. Shapich

Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russian Federation)

julija.sapic@gmail.com

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00126, <https://rscf.ru/project/23-28-00126/>

Abstract. The article deals with the elements of the lexical systems of the Serbian and Russian languages in the framework of a comparative project on lexicology, one of the goals of which is to compile a modern large Serbian-Russian dictionary. Definitions of the vocabulary is based on the translation equivalence, i.e. the denotative identity of lexemes, and it is based, apart from lexical, on derivational and grammatical semantics where possible; pragmatic and cognitive-discursive component, manifested in syntagmatic realizations of lexemes, is also taken into account. The currently processed lexical corpus provides a sample for revealing some areas and peculiarities of lexical system structuring in the Serbian language in comparison with the Russian one. The vocabulary representing linguistic contrasts is grouped according to derivational-structural and lexical-grammatical criteria, relying on its formal-explicit markers. The following lexical types were found to be difficult to represent in the dictionary: specific derivational structures; diminutive word forms (nouns, adjectives, verbs), having an access to the pragmatic and discursive level; names with the semantics of feature carriers, including feminatives; adverbial syntagms, etc. In the future it is planned to compare formally equivalent multi-valued lexemes at the level of their meaning structure.

Keywords: lexicon, lexicology, semantics, comparison, Serbian, equivalence.

For citation: Yulia L. Shapich. Comparative Description of Lexical Systems (On the Material of the Serbian-Russian Dictionary) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 3. P. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051, EDN: WZCOVX

Когнитивно-дискурсивная научная парадигма принесла с собой многоаспектность лингвистических исследований и синкретизм интерпретаций внутрисистемных и межсистемных связей языковых систем. Устойчивый интерес к базовой системе языка — лексике — подтверждается развитием лексикографического жанра, в рамках которого реализуются новые способы упорядочивания лексических единиц. Многослойным становится и сопоставление лексических систем в межязыковом аспекте, выявляющее особенности языков на разных уровнях семантической организации — от деривационно-семантического до коммуникативно-прагматического. Составление большого современного сербско-русского словаря на этом фоне представляется его создателям не просто императивом эпохи интенсивных межязыковых контактов, но и лингвистическим корпусом, который обеспечит ценные сведения о лексико-семантическом устройстве обоих языков.

Последние достижения славянских лексикологов нашли свое отражение в коллективных сборниках «Развитие славянской лексикологии и лексикографии» [Современное развитие 2022]; «Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема» [Лексикографија и лексикологија 2021], «Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа» [Лексикологија и лексикографија 2016]; известных трудах по семантике Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1981], Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999]; М.А. Кронгауза [Кронгауз 2005], Е.В. Рахилиной [Рахилина 2008]; Анны А. Зализняка [Зализняк 2013]; сопоставительной семантике в аспекте словообразования

[Сопоставительное изучение 1987]; трудах сербских исследователей И. Грицкат [Грицкат 1995], Д. Гортан-Премк [Гортан-Премк 1997], Р. Драгичевич [Драгићевић 2007, Драгићевић 2001]; Н. Миланов [Миланов 2021], Г. Штасни [Штасни 2017], Д. Вујовић [Вујовић 2018] и др.; в работах по сопоставлению русского и сербского языков [РСЯ 2011, Шапич 2021, 2022б, Николаева, Наянова 2022], а также в немногочисленных работах по переводу, затрагивающих тему эквивалентности и русско-сербского межъязыкового взаимодействия [Шапич 2022а].

Словник нового переводного сербско-русского словаря опирается на «*Речник српскога језика*» 2018 (далее — РСЯ) [РСЯ 2011]. В настоящем исследовании наряду с указанным источником используются также «*Словарь русского языка*» (МАС) [МАС 1985], «*Сербскохорватско-русский словарь*» (СХРС) [СХРС 1970] и «*Руско-српски речник*» (РСР) [РСР 1998].

Толкование лексем словника по сути является системным сопоставлением лексики двух языков. Несмотря на генетическое родство языков, широкий пласт общеславянской базовой лексики и идентичность заимствований из неславянских языков, в процессе сопоставления выявляется неполная эквивалентность у лексем, на первый взгляд имеющих общие денотаты. При этом многие трудности семантизации проявляют черты системности, указывая на типологические особенности лексических структур.

Толкование сербских слов происходит с помощью переводных эквивалентов. Как исходные слова, так и их эквиваленты в основе многозначны, а в их семном составе, кроме прочего, содержатся информация о словообразовательной (например, номинация свойства) и морфологической (грамматической) категории (например, номинация действия). Так как для данных категорий характерны определенные синтаксические функции, эквивалент, который дается в зоне толкования, должен учитывать категорию, по возможности — деривационные особенности, а также функциональность и стилистический регистр языка. Этим переводное описание лексем отличается от перевода, скажем, художественного текста — если одному из языков не свойственны те или иные формы, переводчик (подсознательно) распределяет семантическую информацию на другие, более «удобные» и типичные для данного языка грамматические категории без опасности искажения общего смысла текста, образуя синтаксические дериваты в том значении, в котором этот термин употребляет Ю.Д. Апресян [Апресян 1995, 165].

Анизоморфизм лексико-семантических структур сербского и русского языков проявляется на эксплицитном и имплицитном уровне. Под эксплицитным уровнем подразумевается такой уровень организации лексической системы, при котором особенности семантической структуры многозначных лексем сербского языка (далее — СЯ) и их эквивалентов в русском языке (далее — РЯ) имеют морфемные (словообразовательные) или грамматические (морфологические) маркеры и могут отчасти интерпретироваться через морфемы или граммы¹. Связь словообразования с семантикой не требует доказательств [Кубрякова 1981; Иванова 1987 и др.], и она оправдана при сравнении близкородственных языков [Волоцкая 1987, 22]. В свою очередь, имплицитным можно назвать уровень языка, где различия между сопоставляемыми эквивалентами не привязаны к формантам и относятся к более глубокой структуре

¹ Так как исследование лексики проводится на словарном материале, возможности рассматривать в качестве семантического материала синтаксемы ограничена.

многозначности. В этом случае релевантным для рассмотрения является набор подзначений, способы их развития (метонимия, метафора и т.д.), синтагматическая сочетаемость и другие показатели. Этот второй более объемный уровень будет рассмотрен нами отдельно в продолжении исследования по сопоставлению лексики.

Не претендуя на полноту охвата темы, рассмотрим некоторые семантические особенности лексической структуры СЯ, обозначенные нами как эксплицитные и проявившие себя на фоне структуры РЯ уже на сравнительно небольшом образце лексикографического материала².

I. Морфемный уровень

При сопоставлении лексики в обоих языках выделяется группа, неоднозначная по своему деривационно-семантическому потенциалу, мотивированная прилагательным *бео* 'белый'. Данная группа рассматривается нами на примере существительных вместе с производными от основы *црн* 'черный' – внутри эквиполентной семантической оппозиции 'белый-черный'.

1.1. Существительные, мотивированные основами с семами 'белый', 'черный'

Группа существительных, мотивированных прилагательными с семантикой цвета *бео* и *црн*, к которым можно присоединить также *гарав* 'черный', образованные от одной основы («цельнооформленные», в отличие от «раздельнооформленных» [Там же, 20]) в СЯ имеет разветвленную структуру. Ее можно представить в виде лексико-семантических групп (некоторые единицы внутри групп повторяются):

- наименования цвета, краски; название свойства: *белина*, *белоћа*, *белило*, *црнило*, *црноћа*, *црност*, *гаравило* (ср. в РЯ *белизна*, *белила*, *побелка*, *чернота*, *чернила*, *чернь*);

- наименования людей по цвету кожи, волос, одежды (монашеской): *белац*; *беликња*, *белка* и *белица*; *црнац*, *црнкиња*, *црнче*, *црка*, *црнчић*, *црнчуга*, *црница*, *црнојка*, *црнојчица*, *црноока*, *црња*, *црњо*³, а также *гаравац*, *гаравица*, *гаравко*, *гаравуша*, *гаравче*; (в РЯ от слова *белый* образовано только *белянка*; от *черный* – *чернавка*, *чернушка*; *чернь*, *чернядь*; *чернец* и *черница*);

- наименования животных и рыб по цвету кожи, шерсти, чешуи – многие указывают на неопределенное животное⁴: *беовица* (рыба), *белац*, *белка*, *белица*, *белов*, *белко*, *белоња*, *белоњица*; *црка* и *црчина* (змея); *гара* (в РЯ *белёк*, *белка*, *белуга*, *белуха*, *беляк* представляют денотаты конкретных животных, в СЯ их не имеется среди производных от данной основы);

- наименования растений: *дуба бел*, *црника* и *црниковина*, *пшеницы белица* и *белија*, *конопли белојка* и *црнојка*, а также *белика* 'подкорка', *црница* и *црнуша* 'эрика; маслина; инжир; черешня'; некоторые соответствия с РЯ проявляют *црника* 'нигелла / нар. чернушка', *црнь* и *црњевац* 'черноголовка' (в РЯ имеются «свои» образования от названия цвета, эквивалентов которых не имеется в данной группе в СЯ: *черника* и *чернушка* 'гриб');

² Системно лексемы сопоставлены до буквы Д; в работу вошли примеры из зон иллюстрации употребления; некоторые примеры для лучшей иллюстрации добавлены из электронных корпусов.

³ Здесь пренебрегаем стилистическими пометами.

⁴ Замечено, что в СЯ номинации животных по критерию цвета образуются по схожим словообразовательным моделям [Лексикографија и лексикологија 2016, 98–98]. Интерес представляет сопоставление сербских моделей с моделями в РЯ, а также подключение других цветов – *плав*, *златан*, *сив* и т.д.

- наименования земли: *црница*, *црнојка*, *црнојчица* (в РЯ от двух основ — *чернозем*);
- наименования ткани, одежды: *белача*, *бель* ‘подстилка’; *црнина* ‘траурная одежда’ (ср. в РЯ *белье*, *траур*);
- некоторые другие: *беланце* ‘белок’, *беланчевина* ‘белок’, *црњак* ‘красное вино’ и ‘черный юмор’, а также *црњиш* ‘зло, плохое’ (в РЯ *белок*; *черняк* ‘баллотировочный шар’, *беловик* и *черновик*; *чернуха* ‘показ мрачных сторон жизни’).

Бросается в глаза многозначность и обобщенность семантики лексем СЯ, повторяемость форм внутри групп: *белац* ‘человек’, ‘священник’, ‘конь’; *белача* ‘верхняя одежда’, ‘носки’; *белица* ‘пшеница’, ‘(белая) слива’, ‘черешня’, ‘куница’, ‘рыба’ и др.; *белка* ‘овца’, ‘коза’, ‘корова’, ‘кобыла’, ‘собака’, ‘кошка’, ‘женщина’, ‘рыба’; *белко* ‘баран’, ‘козел’, ‘конь’, ‘кот’, ‘пес’; ‘мужчина, мальчик’; *црнац* ‘человек с темной кожей’, ‘монах’, ‘человек на тяжелой работе’; *црнка* ‘женщина’, ‘змея’; *црњуша* ‘эрика’, ‘маслина’, ‘инжир’, ‘черешня’. Цельнооформленных соответствий в РЯ меньше, а семантика мотивированных слов конкретнее (уже). Слова с корнем *гар-*, имеющиеся и в РЯ, не имеют производных с семантикой носителей признака черного цвета.

Рассмотрим ситуацию со сложением основ.

1.2. Лексика, образованная сложением корневых морфем

‘Белый’/ ‘черный’ + ...

Существительные с семантикой цвета в СЯ образуются также путем сложения двух корневых морфем, первая — с семой цвета, вторая — характеризующего цветом человека, животного, растения, предмета. Идентичная словообразовательная модель имеется в РЯ: *белоручка*, *белошвейка*, *чернотроп*, *чернокнижник*; она характерна также для прилагательных — *белобокий*, *чернобровый* и др. и образует универбативы — *чернобурка*, *черноплодка*.

Нетипичными для РЯ являются эквиваленты наименований людей: *белокапић* ‘человек в белой шапке, арбанас’, *белобагаћ* и *белобаган* ‘человек в белых штанах, арбанас’, *белокожац* ‘белокожий человек’, *црнокожац* ‘чернокожий человек’, *црнобрадаш* ‘чернобородый человек’, *црноберзијанац* и *црноберзијанка* ‘мужчина или женщина, занимающиеся черной биржей’ — ср. невозможные в РЯ **белошапошник*, **белоштанник*, **белокожец*, **чернокожец*, **чернобородац*, **чернобиржец*, **чернобиржица*. Однословными эквивалентами представлены *белогардејац* и *белогардист(а)* ‘белогвардеец’, *црнокошуљаш* ‘чернорубашечник’, *Црногорац* ‘черногорец’ (но без производных эквивалентов *Црногорче*, *Црногорчина*, *црногорство*, *црногорштина*), *црностотинаш* ‘черносотинец’, *црноризац* ‘черноризец’ (в СЯ еще и *црноклиралац*, *црномантијаш* и *црношколац* ‘семинарист’). В группе животных имеется *црногривац* ‘черногривый конь’⁵ (см. также топоним *Бјелогривац*) и *белориба* ‘белая рыба’ (ср. рус. *белорыбица*), растений — сосен *белобор* и *црнобор* (см. также топоним *Златибор*), листопадных и хвойных деревьев *белогорица* и *црногорица*, слив — *белошљива* и *црношљива* и др.

В РЯ *черноклен* или *белорыбица* образованы по той же модели, что и *црнобор* и *белориба* в СЯ, однако деривационные межъязыковые параллели еще не означают семантического тождества: ср. рус. *чернослив* ‘сушеные ягоды особых сортов’, *чернолесье* ‘лиственный лес’ (эквивалент СЯ имеет диаметрально противоположный корень *белогорица*). Отметим, однако, что в источниках

⁵ Сложением образованы и другие наименования, здесь не рассматриваемые: птиц *црноглавица*, *црнокапица* и *црноперка*; змей *белоушка*, *црнокрпица*, *црнокруг* и *црнострел*; рыб *црноперка* и *црнопругац* и т.д.

по-разному фиксируется периферийная лексика, фитонимы, зоонимы и др. Так, например, в МАС отсутствуют наименования птицы *черноголовка*, рыбы *черноперка*, растений *черноплодка* (но приводится *черноплодная рябина*) и *черноголовка*, в отличие от *чернобурка* (лиса; мех) и *черноклён*. Релевантным для нас является критерий возможности / невозможности перевода сербского слова однословным эквивалентом той же категории с сохранением стилистического регистра, т.е. ядерности семантики.

Приведем и другие лексические группы, не имеющие формально-семантических параллелей в РЯ.

‘Часть тела’ + боља

Дериваты, образованные по типу сложения двух корневых морфем, одна из которых означает ‘часть тела’, а вторая *-боља* ‘боль / болезнь’, образуют общую лексико-тематическую группу медицинских состояний. Они не имеют однословных эквивалентов в РЯ, за исключением медицинских терминов (*артрит*, *туберкулез* и т.д.). Это такие слова, как *вратобоља*, *главобоља*, *грлобоља*, *грудобоља*, *гушобоља*, *душобоља*, *зубобоља*, *костобоља*, *ногобоља*, *очобоља*, *петобоља*, *прсобоља*, *срдобоља*, *трбобоља*, *увобоља*, *умобоља*, *устобоља*, *ушобоља* и т.д. (см. также необычные для РЯ прилагательные *умоболан*, *вратоболан* и др.)

‘Угроза / предмет’ + бран

К данной группе относятся дериваты, образованные по типу сложения двух корневых морфем, вторая из которых образована от глагола ‘защищать’, а первая — от существительного со значением угрозы, от которой требуется защита, или защищаемого объекта. Они образуют лексико-тематическую группу ‘защищающий от’ + *сущ.* и не имеют однословных эквивалентов в РЯ. Это слова *блатобран*, *бокобран*, *бродобран*, *громобран*, *падобран*, *кишобран*, *сунцобран* (ср. также топоним и имя *Србобран*); в РЯ данная группа некомпактна: *брызговик*, *громоотвод*, *зонтик*, *парашют* и т.д.

1.3. Афиксальный способ

Продуктивной и многочисленной в СЯ является группа лексем — имен среднего рода с формантом *-иште* со значением ‘место / место, где было...’ («*potina loci*»), таких как *блатиште*, *бритвиште*, *бобовиште*, *боравиште*, *вртиште*, *гађалиште*, *гајилиште*, *градилиште*, *згариште*, *обданиште*, *одмаралиште*, *одмориште*, *степениште*, *светилиште*, *сметилиште*, *узгајалиште* и др. О продуктивности свидетельствуют современные лексемы *паркиралиште* и *стајалиште*⁶. Имеющаяся в РЯ модель *настбище*, *убежище*, *училище*, *хранилище* и др. менее продуктивна, так что далеко не все лексемы СЯ группы с суффиксальной семьей ‘место’ имеют конгруэнтные (не только словообразовательные) соответствия в РЯ: **садище* ‘место, где был сад; **бобовище* ‘место, где были посажены бобы’ (в отличие, например, от сопоставимых суффиксов: *сунаище* — *солнышко*, *саица* — *часовщик* и др.).

Не имеет формального эквивалента в РЯ группа многозначных лексем с семьей ‘плата за...’ нечто, содержащееся в названии корневой морфемы. Это слова типа *баждарина*, *друмарина*, *лежарина*, *путарина*, *станарина*, *чланарина*, *школарина* и др. (даже *врачарина* и *гатарина*).

⁶ Слово *станица* ‘остановка’ является в СЯ более фреквентным, однако *стајалиште* фигурирует в оформлении всех обновленных инструкций пользования общественным транспортом, например, в Белграде; неясно, идет ли речь о стилистическом расслоении или языковой политике.

Группа *пекара, месара, гвожђара, пиљара, цвећара, књижара* имеет разные соответствия в РЯ: менее продуктивной в современном РЯ является группа *пекарня, маслобойня, сыроварня и белильня*; современные названия мест продажи, производства или оказания услуг образованы путем метонимии по названию товара — *булочная, мясо, овощи-фрукты, цветы*, пользователя — *букинист, охотник* или *гастроном* и т.д.

Диминутивные и аугментативные суффиксы имеют межъязыковые расхождения на функциональном уровне. Сомнение вызывает функциональность в РЯ эквивалентов сербских лексем *блитветина, бритветина, бритвурина, бродина, пасульчина, купусина*; или *бритвица, војводица, базеннич, бресквица, воћкица* — ср. рус. *бритвица, кораблище, фасолище* или *бассейнчик, персичек*. Проблема недостаточно освещена в связи с неоднозначным статусом диминутивов между словом и словоформой [Виноградов 2001, 101] и традиционным непредставлением их в словарях [МАС 1985, т. 1, 7; Ожегов, Шведова 1999, 6; СХРС 1970, 5]. В ряде случаев нетипичность эквивалентов РЯ очевидна: *вранкаст коњ* не может быть **слегка вороным*.

Объяснением этому феномену служат особые прагматические функции, выражаемые данными словоформами в РЯ (диминутивы — для выражения вежливости, эмпатии, оттенков экспрессии), не связанных прямо со спектром значений уменьшительности. В такой функции диминутивность в РЯ характеризует высказывание целиком, тогда как в словаре возникает необходимость зафиксировать соответствие на уровне изолированной вокабулы, а не высказывания. Если взять пример перевода с РЯ на СЯ, высказывание «Ну и темка диплома у тебя!» может передавать отрицательное отношение говорящего к *теме*, но слово *темка* вряд ли следует переводить той же формой и фиксировать в диминутивно-уничижительном значении в словаре; эквивалентной данной фразе на СЯ могла бы быть: «Ала ти је тема за дипломски (ужас)!» Возможно, фиксация диминутивов в РСЯ отражает их тенденцию к лексикализации [Грицкат 1995, 10], тогда как в РЯ их употребление обусловлено стилистически или прагматически. С этим связана и проблема выбора адекватного диминутива из арсенала, имеющегося в РЯ на все функциональные случаи, в условиях отсутствия контекста. Выбор может быть слишком большим: *божић* — и *божок*, и *боженька* (не говоря о празднике *Божјић*); *ручица* — *ручка, рученька, ручонка*; *хладњикав* — *холодноватый, холоденъкий, прохладный* и др.; или, наоборот, может быть скудным или даже отсутствовать.

Особый статус имеет характерная для СЯ группа диминутивных глаголов [Там же, 25–29]: *бљуцкати, боцкати, брискати, воскати се, возакати се, возикати се, врцкати, гађнути, гацкати, гаркати, гаћкати (се), гвиркати, гегуцкати се, гладуцкати, пискарати, ручкати скакутати* и др. На то, что глаголам РЯ не свойственна уменьшительность, указывал еще В.В. Виноградов вслед за А.М. Пешковским [Виноградов 2001, 685]. Префиксально-суффиксальный комплекс в РЯ обеспечивает некоторые эквиваленты со схожей семантикой — *пописывать, попрыгивать, покалывать*, но далеко не все, ср. *брискати* — *слегка вытереть* или *ручкати* — *немножко пообедать*.

II. Грамматико-семантический уровень

Не менее эксплицитными маркерами анизоморфизма изобилует грамматико-семантический уровень языковой организации. При сопоставлении лексем обнаруживается ущербность лексической парадигмы в структуре грамматической (морфологической) категории, несоответствия на уровне

граммем в рамках категорий рода и числа у имен, вида и рефлексивности у глаголов и т.д. Интересны также случаи вынужденной межъязыковой конверсии морфологических категорий. Рассмотрим сказанное подробнее.

2.1. Категория числа

В рамках категории числа обращают на себя внимание не столько грамматические запреты на употребление одного из чисел (в СЯ *грудь, плућа, леђа* — только во мн. ч., в РЯ *грудь, легкое, спина* возможно в ед. ч.; ср. также *новац* в ед. ч. в СЯ и *деньги* во мн. ч. в РЯ), сколько функциональная нетипичность ряда форм, образующих лексико-семантические поля. Так, в СЯ допустимы формы множественного числа для лексем с абстрактной семантикой: *телевизије* (видимо, под влиянием метонимического сдвига с лексемы *канал*, имеющей мн. ч.), *активности, делатности, информације, искусства*, а также *полиције, спортови* и некоторые другие — ср. невозможное в РЯ **спорты*. И наоборот, ряды лексем, имеющих в СЯ форму единственного числа, не имеют конгруэнтной формы в РЯ, как, например, в группе с семантикой наименований красящих веществ: *белило* — *белила, вранило* — *чернила, руменило* — *румяна*, см. также *гаравило, гарило* и т.д. Некоторые существительные, собирательные и имеющие в РЯ только форму единственного числа, в СЯ не имеют такого ограничения: ср. *бисери* (от *бисер* ‘жемчуг’) — рус. *бисер; пецива* — *выпечка* и т.д.

2.2. Категория рода

Межъязыковые пары формально схожих существительных, отличающихся по родовому признаку, выделены давно. Например, группа слов женского рода в СЯ с абстрактным или иным значением типа *анализа, прогноза, метода, диплома* и т.д. или продуктов питания *супа, банана, салата, шоколада* и др. С другой стороны, группа существительных мужского рода в СЯ соответствует в РЯ существительным женского рода: *минут, секунд, систем, проблем, програм* и др.

Здесь хотелось бы выделить специфическую лексико-семантическую группу носителей признака мужского (в ряде случаев они помечены мужским и средним родом) с оценочной семантикой, чаще негативной, с окончанием *-ко* или *-о*, не имеющую формальных эквивалентов в РЯ. Это *алькавко* ‘неряха’, *базало* ‘бездельник’, *бајало* ‘гадатель’, *бало* ‘слюнтяй’, *белко* ‘беляш’, *блесавко, бленто* ‘дурачок’, *брљавко / брљивко* ‘неряха’, *буцко* ‘карапуз’, *врљавко* ‘косой’, см. также *баљезгало, безазленко, блањало, бушкарало, гунђало, гакало, гатало, гегало, закерало, џангризало* и др.

В своем исследовании прилагательных с семантикой характеристик чело века в СЯ Райна Драгичевич выделяет группу *nomina attributiva* с формантами: *-ац, -ак, -ко, -ан, -(н)ик, -оња, -аш, -аћ, -ач, -ашице, -ез, -о, -ов, -че, -чина* [Драгићевић 2001, 51]. Некоторые из перечисленных формантов имеют формально-семантические параллели в РЯ⁷ (срб. *-ац* / рус. *-ец*; *-ак* / *-ок*; *-ик* / *-ик*; *-ашице* / диминутивный формант; *-чина* / аугментативный формант). Примеры, приведенные выше, не имеют соответствий такого рода в РЯ. Коннотативная составляющая лексем является дополнительным усложняющим фактором при поиске эквивалентов. Интересны примеры среднего, а также мужского рода с окончанием *-о*, указывающим на некую тенденцию перехода к среднему. Еще В.В. Виноградов, говоря, правда, о диминутивах, заметил, что при

⁷ Приводится один из вариантов.

экспрессивном преобразовании слова нейтрализуются его половые признаки [Виноградов 2001, 62].

В рамках категории рода в СЯ выделяется группа существительных со значением носителя признака, который субстантивирован в имена мужского и женского рода. В РЯ носитель признака может не иметь субстантивированной формы или иметь ее лишь в мужском роде. Приведем пары слов мужского и женского рода из РСЯ: *агент* ‘агент’ — *агенткиња*; *астматичар* ‘астматик’ — *астматичарка*; *бедник* ‘подлец’ — *бедница*; *безазленик* ‘незлобивый человек’ — *безазленка*; *безбрижник* ‘беззаботный человек’ — *безбрижница*; *бесавесник* ‘бессовестный человек’ — *бесавесница*; *беседник* ‘оратор’ — *беседница*; *бескућник* ‘бездомный’ — *бескућница*; *бесловесник* ‘бессловесное создание’ — *бесловесница*; *бесмртник* ‘бессмертный, вошедший в историю человек’ — *бесмртница*; *бесник* ‘бесноватый человек’ — *бесница* (*беснуља*); *бесомучник* ‘безумец’ — *бесомучница*; *бешчасник* ‘бесчестный человек’ — *бешчасница* и т.д.

Тема субстантивации, с одной стороны, связана с вопросом продуктивности деривационных моделей, а с другой — она свидетельствует о стремлении к категоризации, на которое указывает А. Вежбицкая [Вежбицкая 1999]. Это поднимает вопрос когнитивнолингвистического уровня о причинах более «легкой» субстантивации от признака к носителю признака в СЯ, а также о более продуктивном образовании феминитивов в СЯ по сравнению с РЯ.

2.3. Категория вида

При сопоставлении ряда глаголов выявляются ограничения в употреблении одного из видов в одном языке, не характерного для другого языка. Так, например, глагол *бацити* в синтагме *бацити икру* или *бацити бисере пред свиње* в РЯ употребляется лишь в форме несовершенного вида — *метать икру*, *бисер*, в то время как **метнуть икру* и *бисер* невозможно. Практика межъязыковых контактов выявляет и другие несоответствия. Например, видовой паре в СЯ соответствует только несовершенный вид в РЯ: пара *одушевити се* — *одушевљавати се* соответствует в РЯ только глаголу *восторгаться*; *припадати* — *припасти* соответствует глаголу *принадлежать*. Имеются и случаи наоборот: *заспати* не имеет видовой пары в СЯ, но в РЯ имеет: *засыпать* — *заснуть*.

Большое число распространенных двувидовых глаголов в СЯ *вежбати*, *видети*, *вечерати*, *питати*, *причати* и др. требует внимания при приведении эквивалентов на РЯ (также как и при семантизации глаголов движения) из-за их дивергентных отношений; это обстоятельство также требует учета семантико-синтаксических функций вида.

2.4. Рефлексивность

Рефлексивность глаголов в СЯ не всегда соответствует русской. Так, *концерт почиње* ‘концерт начинается’, *текст датира* ‘текст датируется’, *овце пасу* ‘овцы пасутся’, *стремѝ високом циљу* ‘стремится к высокой цели’ в СЯ нерелексивные; и наоборот: *тест се састоји (од)* ‘тест состоит из’, *она се сунча* ‘она загорает’, *смрзао сам се* ‘я замерз’, *лепо се дружимо* ‘мы хорошо общаемся’ релексивные в СЯ, в отличие от семантически схожих глаголов в РЯ.

В ряде случаев прослеживаются некоторые закономерности: так, выделяется группа релексивных глаголов в СЯ, которые в РЯ требуют соответствующего лексического дополнения в виде местоимения *себя*: например, *гладѝ ти се* — *поглаживать себя по лицу*, *себе бороду*, *себя по волосам* (*свои волосы*)

и т.п. (ср. нетипичную форму **гладиться*); *осећати се* — чувствовать себя, *лизати се* — лизать себя; *гледати се* — смотреть на себя / свое отражение (наряду со *смотреться*).

Эквиваленты взаимовозвратных глаголов в РЯ требуют обязательной лексической экспликации: *воleti се* — любить друг друга, *знати се* — знать друг друга, *ударати се* (*кресати се*) — бить друг друга, *дрмати се* — трясти друг друга и т.д.

2.5. Межъязыковая конверсия

Необходимость конверсии (транспозиции) в иные грамматические категории при подборе эквивалентов может свидетельствовать о семантических ограничениях на категориальном уровне в одном из языков или предпочтениях грамматических категорий в целом.

Так, уже упомянутые существительные мужского и женского рода со значением носителя признака и суффиксами *-лац*, *-ик-*, *-иц-*, *-ач-*, *-ан-* и др. соответствуют в РЯ прилагательным (причастиям) с различной степенью субстантивации: *гасилац* / *ватрогасац* — пожарный, *говорник* — говорящий, *драгана* — дорогая, *пролазник* — прохожий, *рањеник* — раненый, *научник* — ученый, *места за пушаче* — места для курящих, *за стране ученике* — для иностранных учащихся, *житарице* — зерновые, *носни гласови* — носовые гласные, *пратилац* — сопровождающее лицо, *рачунарске компоненте* — комплектующие, *осуђеник* — осуждённый; см. также *болесник*, *гаравац*, *гароња*, *гаћан* (о человеке), *гвоздењак*, *гвоздењача*, *генерализатор*, *генералиштабац*, *генијалац*, *гладник*, *гладница* и др.

Примечательны наречия на *-ски* и на *-о*. Они традиционно исключаются из переводных словарей как формально и функционально схожие с прилагательными по функции характеристики (первые — действия, вторые — предмета). Перевод адverbиальных конструкций на РЯ часто не имеет наречных соответствий: *богато ручати* — **богато пообедать*, *гладно гледати* — **смотреть голодно*, *ходати несано* — **бродить бессонно*, *бити војно јачи* — **быть военно сильнее*, *живети бескућно* — **жить бездомно*; а также *богато се удати*, *војно поражен*, *војно неспреман*, *враголански намигнути*, *бити стресно*, *гајтанасто се пружати*, *изгледати воштано*, *решити бескрвно*, *живети бескровно*, *радити бесплански*, *подлога бело обојена*, *обојити бледо*, *гледати бледо*, *учити је паметно*, *воловски гледати*, *вулкански колонијално питање*, *вунасто мек*, *шетати је здраво*, *гладно гутати погледом* и др. Внешнюю схожесть с этими формами составляют и субстантивированные прилагательные среднего рода: *офарбати косу у зелено*, *немати ситно* и т.д., также не имеющие формальных соответствий в РЯ (ср. также местоимение *свако зна* 'каждый / всякий (не *каждое / всякое) знает').

На синтагматическом уровне межъязыковые частеречные несоответствия и предпочтения становятся выраженными еще сильнее. Синтагма *гаравило лица* соответствует, скорее, словосочетанию *тёмное лицо*, чем *чернота лица*, и при употреблении данной синтагмы, возможно, первый вариант будет преимущественным. Межъязыковое лексико-семантическое варьирование происходит и в рамках идиоматики: семантика словосочетания *воловско здравље* 'воловское здоровье' реализуется в сравнении *здоров как бык*; такие же отношения у словосочетаний *гавранов глас* — *накаркать беду*.

Невозможно полностью отделить лексику от синтаксического уровня, например, при семантизации слова *где*: *Нашао сам га где спава* — *Я нашел его спящим / я обнаружил, что он спит*, но не **я нашел, где / как / что он спит*.

III. Заключение

Таким образом, рассмотрение структурных особенностей лексики СЯ, проявляющихся при ее системном сопоставлении с лексикой РЯ в процессе работы над новым двуязычным словарем, является задачей, требующей комплексного подхода, как семасиологического, так и ономасиологического. Состав многозначных слов поддается структурно-семантическому анализу благодаря связи сем с морфемным составом и лексико-грамматическими (морфологическими) характеристиками, что позволяет назвать этот уровень языковых различий эксплицитным.

Некоторые языковые структуры в работе рассмотрены более подробно, как, например, группа существительных, производных от основы *бео*, *црн* и *гарав*. Деривационная группа СЯ отличается от сопоставляемой группы РЯ высокой полисемией и общностью семантики единиц: *белица* — названия разных фруктов, земли, рыбы; *црногорица* — названия различных хвойных растений, *црноока* — о женщине, рыбе, птице, овце, козе и т.п. Далее, среди лексических групп в СЯ выделены микросистемы, не имеющие системных аналогов в РЯ или уступающие им по типичности или частотности. Это производные от двух основ слова с семантикой боли — *главобоља*, *костобоља*; угрозы и защиты от нее *громобран*, *сунцобран*; от одной основы с формантом с семантикой места — *бобовиште*, *вртиште*; с семантикой оплаты услуг — *станарина*, *путарина*; мест продажи — *пекара*, *месара* и оказания услуг. При рассмотрении диминутивов и схожих с ними словоформ установлено, что они по-разному соотносятся в СЯ и РЯ по языковому статусу и функциональности, что не всегда позволяет зафиксировать их как переводные эквиваленты; за решением необходимо обратиться к прагматике.

На лексико-грамматическом уровне обращают на себя внимание категориальные несоответствия (числа, рода, глагольного вида, рефлексивности), а также функциональное предпочтение грамматических категорий. Системные конверсии в иные грамматические категории, в свою очередь, связаны с (не)типичностью образования существительных от названия какого-л. признака типа *бескућник*, в том числе феминитивов — *бескућница*, а также с несоответствиями наречных форм.

Описанные результаты лексикографического сопоставления многозначных слов представляют собой далеко не исчерпывающий список характерных особенностей лексических групп (категорий) и касаются лишь проблем, которые системно проявились на данном этапе работы над созданием сербско-русского словаря. Дальнейшее сопоставление лексико-семантических структур сербского и русского языков обеспечит более полную картину многозначности, эквивалентности и лексической типологии сербского и русского языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Изд. 2-е, испр. и доп. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 442 с.
- Вежбицкая А. Что значит имя существительное? (или: Чем существительные отличаются по значению от прилагательных?) // Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т.В. Булыгиной. Перев. И.Д. Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 91–133.
- Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

- Волоцкая З.М. К сопоставительному изучению языков на словообразовательном уровне (на материале семантической категории локативных номинаций) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. С. 20–26.
- Вујовић Д. Лексичко-семантичке особине термина из области народне медицине на примерима из Речника српскохрватског књижевног језика Матице српске // Научни састанак слависта у Вукове дане 47/1. 2018. С. 365–372.
- Гортан-Премк Д. Полисемија и организација лексичког система у српском језику. Београд: Институт САНУ, 1997. 192 с.
- Грицкат И. О неким особеностима деминуције // Јужнословенски филолог 51. 1995. С. 1–30.
- Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику (творбена и семантичка анализа). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. 284 с.
- Драгићевић Р. Лексикологија српског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2007. 366 с.
- Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 640 с.
- Иванова И.С. «Вопросы соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей (на материале имен прилагательных русского, болгарского и чешского языков)» // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. С. 157–160.
- Кронгауз М.А. Семантика. М.: Академия, 2005. 352 с.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Лексикографија и лексикологија у светлу актуелних проблема. Ур. Стана Ристић и др. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. 1170 с.
- Лексикологија и лексикографија у светлу савремених приступа. Ур. Стана Ристић и др. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2016. 577 с.
- МАС—Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русс. яз. Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 3-е. М.: Русский язык, 1985.
- Миланов Н. Српски лексички фонд из угла полисемије: глаголи, именице, придеви. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2021. 465 с.
- Николаева Н.С., Наянова М.А. Отражение лексемы *светлый в современных сербско-русских и русско-сербских словарях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 1–2. С. 33–35.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.
- РСЯ — Речник српског језика. Ур. Милица Вујанић и др. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
- РСР — Руско-српски речник. Ур. Богољуб Станковић. 2. изд. Нови Сад — М.: Будућност — Матица Српска — Русский язык, 1998. 1001 с.
- Современное развитие славянской лексикологии и лексикографии. Международная коллективная монография / под ред. М.И. Чернышевой. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2022. 400 с.
- Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. / под ред. Г.П. Нешименко. М.: Наука, 1987. 272 с.
- СХРС — Толстой И.И. Сербскохрватско-русский словарь. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1970. 735 с.
- Шапич Ю.Л. О скрытом в глубине: ГЛУБИНА как элемент понятийной метафоры (руско-сербская параллель) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику LXIV. 2021. С. 171–182.
- Шапич Ю.Л. О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. 2022а. С. 78–92.
- Шапич Ю.Л. О пространственном фрагментизаторе СТОРОНА в понятийных метафорах // Славистика XXVI/1. 2022b. С. 410–421.
- Штасни Г. Nomina instrumenti у српском језику // Годишњак филозофског факултета у Новом Саду XLII-1. 2017. С. 339–356.

REFERENCES

- Apresian Iu.D. *Izbrannyye trudy. Leksicheskaia semantika (sinonimicheskije sredstva iazyka)*. The 2th edition, vol. I, Moscow, Shkola iazyki russkoi kul'tury, Vostochnaia literatura RAN Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)
- Dragičević R. *Pridevi sa značenjem ljudskih osobina u savremenom srpskom jeziku (tvorbena i semantička analiza)*, Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2001, 284 p. (In Serb.)
- Dragičević R. *Leksikologija srpskog jezika*, Beograd, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva Publ., 2007, 366 p. (In Serb.)
- Gortan-Premk D. *Polisemija i organizacija leksičkog sistema u srpskom jeziku*, Beograd, Institut SANU Publ., 1997, 192 p. (In Serb.)
- Grickat I. O nekim osobenostima deminucije. *Južnoslovenski filolog*, no. 51, 1995, pp. 1–30. (In Serb.)
- Ivanova I.S. Voprosy sootnosheniia semanticheskoi struktury slova i jego slovoobrazovatel'nykh sviazei (na materiale imen prilagatel'nykh russkogo, bolgarskogo i cheshskogo iazykov). *Sopostavitel'noje izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 157–160. (In Russ.)
- Krongauz M.A. *Semantika*. Moscow, Akademiia, 2005, 352 p. (In Russ.)
- Kubriakova Je.S. *Tipy iazykovykh znachenii: semantika proizvodnogo slova*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 200 p. (In Russ.)
- Leksikografija i leksikologija u svetlu aktuelnih problema*, ed. Stana Ristić et. Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2021, 1170 p. (In Serb., Russ. et.)
- Leksikologija i leksikografija u svetlu savremenih pristupa*, ed. Stana Ristić et., Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2016, 577 p. (In Serb., Russ. et.)
- MAS – *Slovar' russkogo iazyka in 4 volumes*, the 3th edition, Moscow, Russkii iazyk Publ., 1985. (In Russ.)
- Milanov N. *Srpski leksički fond iz ugla polisemije: glagoli, imenice, pridevi*, Beograd, Institut za srpski jezik SANU Publ., 2021, 465 p. (In Serb.)
- Nikolajeva N.S., Naianova M.A. Otrazhenije leksemy *svetlyi v sovremennykh serbsko-russkikh i rusko-serbskikh slovariakh. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i jestestvennykh nauk*, 2022, no. 1–2, pp. 33–35. (In Russ.)
- Ozhegov C.I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka*, Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 944 p. (In Russ.)
- Rakhilina Je.V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: Semantika i sochetajemost'*, Moscow, Russkije slovari Publ., 2008, 416 p. (In Russ.)
- RSJa – *Rečnik srpskoga jezika*, ed. Milica Vujanić et. Novi Sad: Matica srpska Publ., 2011, 1561 p. (In Serb.)
- RSR – *Rusko-srpski rečnik*, ed. Bogoljub Stanković, the 2th edition, Novi Sad – Moscow, Budućnost – Matica Srpska – Russkij iazyk Publ., 1998, 1001 p. (In Serb., Russ.)
- Shapich Iu.L. O skrytom v glubine: glubina kak element poniatii noi metafor (russko-serbskaia parallel'), *Zbornik Matice srpske za filologiju i lingvistiku*, no. LXIV. 2021, pp. 171–182. (In Russ.)
- Shapich Iu.L. O destruktivnom vliianii lingvisticheskoi interferentsii pri perevode rasskazov A.P. Chekhova na serbskii iazyk. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Serii 22. Teorija perevoda. 2022a, pp. 78–92. (In Russ.)
- Shapich Iu.L. O prostranstvennom fragmentizatore STORONA v poniatii nykh metaforakh, *Slavistika* no. XXVI/1, 2022b, pp. 410–421. (In Russ.)
- SHRS – Tolstoi I.I. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'*, the 3th editon, Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1970, 735 p. (In Serb., Russ.)
- Sopostavitel'noje izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, 272 p. (In Russ.)
- Sovremennoje razvitije slavianskoi leksikologii i leksikografii. Mezhdunarodnaia kolektivnaia monografiia*, ed. M.I. Chernysheva, Moscow, Institut russkogo iazyka im. V.V. Vinogradova RAN Publ., 2022, 400 p. (In Serb., Russ. etc.)
- Štasni G. Nomina instrumenti u srpskom jeziku. *Godišnjak filozofskog fakulteta u Novom Sadu* no. XLII-1, 2017, pp. 339–356. (In Serb.)
- Vezhbitskaia A. Chto znachit imia sushchestvitel'noje? (ili: Chem sushchestvitel'nyje otlichaiutsia po znacheniiu ot prilagatel'nykh?). *Semanticheskije universalii i opisanije iazykov*, ed. T.V. Bulygina, transl. I.D. Shmelev, Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1999, pp. 91–133. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenije o slove)*, ed. G.A. Zolotova, the 4th edition, Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001, 720 p. (In Russ.)

- Volotskaia Z.M. K sopostavitel'nomu izucheniiu iazykov na slovoobrazovatel'nom urovne (na materiale semanticheskoi kategorii lokativnykh nominatsii). *Sopostavitel'noye izuchenije slovoobrazovaniia slavianskikh iazykov*, ed. G.P. Neshchimenko, Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 20–26. (In Russ.)
- Vujović D. Leksičko-semantičke osobine termina iz oblasti narodne medicine na primerima iz Rečnika srpskohrvatskoga književnog jezika Matice srpske. *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*, no. 47/1, 2018, pp. 365–372. (In Serb.)
- Zalizniak A.A. *Russkaia semantika v tipologicheskoi perspektive*, Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2013, 640 p. (In Russ.)

Received on 06.05.2023

Accepted on 18.02.2024

Информация об авторе:

Шапич Юлия Леонидовна

кандидат филологических наук,
исследователь по договору
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4788-5497
E-mail: julija.sapic@gmail.com

Information about the author:

Yulia L. Shapich

PhD (Philology), contract researcher
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4788-5497
E-mail: julija.sapic@gmail.com